

Россия против НАТО

Анализ вероятной войны

16+

Дмитрий Верхотуров

Дмитрий Верхотуров

**Россия против НАТО:
Анализ вероятной войны**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Верхотуров Д. Н.

Россия против НАТО: Анализ вероятной войны /
Д. Н. Верхотуров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-09276-1

Прогноз вероятной, возможной войны между Россией и военным блоком НАТО всегда привлекал внимание как вопрос судьбоносный. В этой книге делается попытка составить максимально возможно всеобъемлющий прогноз начала, хода и итога такой войны, если она в самом деле начнется. Автор использует современное состояние армий вероятных противников и, отталкиваясь от обширного военно-исторического опыта, создает картину возможной войны в нескольких основных вариантах: от быстротечной демонстрации силы до затяжной и многолетней мировой войны. Внимание уделяется не только стратегии и тактике, но и военной экономике, политике, а также новшествам, которые м

ISBN 978-5-532-09276-1

© Верхотуров Д. Н., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Предисловие	5
Неполноценность имеющихся прогнозов	6
Разбор заранее заданной ситуации	9
О войне прошлого и войне будущего	11
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Предисловие

Будет ли война между Россией и НАТО? Этот вопрос волнует общественность, как российскую, так и других стран, в течение уже многих лет. Без особого труда можно найти десятки статей и публикаций, посвященных этой животрепещущей теме, в которых делаются попытки прогноза этого возможного вооруженного столкновения, пожалуй, наиболее вооруженных в мире стран. Прогнозы эти разные и предрекают разное. Некоторые – поражение России в течение чуть ли не часов, некоторые – почетную победу над НАТО, военные возможности которых уже не те, что в пору Холодной войны.

Разумеется, общественность хочет получить достаточно ясный ответ на вопрос: что будет, если...? Причина этого интереса лежит на поверхности и состоит в опасении, что такая война может затронуть всех и каждого. Мы же все же родом из СССР, в котором важную часть общественного мировоззрения составляло ожидание войны с противостоящим военно-политическим блоком, да и подготовка к ней. Войны, возможно, ядерной.

Впрочем, такие опасения есть не только в России. В Европе тоже об этом думают, и поеживаются, когда российские подводные лодки бороздят воды Балтийского моря, а российские самолеты приближаются к самолетам стран НАТО. В Европе тоже еще помнят, что бывает, когда появляется бесчисленная орда русских танков.

Неполноценность имеющихся прогнозов

Если высказано уже столь много прогнозов, то имеет ли смысл браться за эту тему и посвящать ей целую книгу? На мой взгляд, стоит по нескольким причинам.

Во-первых, опубликованные уже прогнозы носят на себе явный отпечаток односторонности. В них обычно анализируется какой-то один аспект возможной войны. Это или столкновение противостоящих войск на каком-то отдельном взятом ТВД. В последнее время появилось особенно много таких прогнозов, в том числе и проведенных в НАТО военных игр и командно-штабных учений, разрабатывающих вопросы столкновения России и НАТО в Прибалтике. Прогнозы эти для НАТО оказались неутешительными и показали, что Россия, скорее всего, одержит победу. Также анализируется применение ракетного оружия и действия системы противоракетной обороны НАТО; эти прогнозы обычно предрекают для России неудачу. Встречались прогнозы боевых действий авиации, применения высокоточного оружия, ну и конечно, многочисленные прогнозы на любимую военными экспертами тему: сравнение тактико-технических характеристик боевой техники.

С таким подходом нельзя согласиться, поскольку исторический опыт показывает, что в любой крупной войне присутствуют факторы политические, экономические, военно-хозяйственные, боевые действия между коалициями обычно ведутся сразу на нескольких ТВД. Иными словами, нужно разбирать ситуацию в целом, от причин возможного вооруженного конфликта до того, к чему все это может привести.

Но это сложная задача, требующая учета в анализе многочисленных фактов, тенденций и возможностей, опыта уже состоявшихся войн. Тем более, это сложно потому, что такой анализ поневоле исходит из отрывочной информации, доступной в открытых источниках, поскольку очень и очень многие сведения о состоянии армий, о планах и намерениях сторон строго засекречены. На сложность задачи указывает то, что мне не встречались попытки такого общего и разностороннего анализа. Возможно, что в разработках штабов и закрытых аналитических работах они есть, но общественности они не доступны.

Во-вторых, вокруг этого вероятного столкновения уже сейчас наплелось много мифов и предрассудков, которые сильно дезориентируют любого, кто пожелает в этой теме разобраться. Ничего удивительного, старой доброй пропагандистской войны и распространения дезинформации еще никто не отменял.

Например, в очень многих случаях систематически завышаются тактико-технические характеристики боевой техники, из чего делаются разные далеко идущие выводы, вроде того, что американские новейшие самолеты и высокоточное оружие настолько хороши, что уже сами по себе гарантируют легкую победу. Мол, F-22 и F-35 побьют «рус фанер» и на этом война закончится. Впрочем, россияне тоже не отстают в подобной же пропаганде. То же самое можно сказать и про новейшие танки, корабли, ракеты. Для такой пропаганды есть свои причины: это и стремление запугать вероятного противника, чтобы вынудить его к уступкам без войны, это также и стремление выставить свою боевую технику в самом лучшем свете. Война войной, а торговля оружием идет своим чередом. Конечно, ради более или менее объективного анализа, с подобными мифами и предрассудками придется расстаться.

В-третьих, в опубликованных прогнозах в основном доминирует пристрастность и страстное желание доказать неизбежность победы той или другой стороны. Потому подобные пристрастные прогнозы обычно акцентируют внимание на сильных сторонах и в упор не желают видеть слабые стороны той или иной военной машины.

Но это хорошо, если это, так сказать, пристрастность преувеличения военных возможностей. Часть встречаются образчики того, что пристрастный автор вообще отказывает своему вероятному противнику в каких-либо сильных сторонах, в способности принимать раци-

ональные решения и использовать эффективную тактику. Просто потому, что противник этот вероятный настолько мерзкий, жалкий и убогий, что его просто не могут сокрушить какие-нибудь «силы добра».

Несколько обезличенное обозначение такой позиции означает, что подобные образчики «мысли» встречаются как со стороны НАТО, так и со стороны России. Различается только риторика и терминология, а в целом – полное единодушие: наша армия сильнее всех, а враг способен только на трусливое бегство.

Можно привести конкретный пример такого предвзятого подхода. В мае 2015 года я опубликовал свой прогноз вероятной Второй Корейской войны, то есть вооруженного столкновения между КНДР и Южной Кореей. В изученных перед написание статьи материалах была немало позабавившая меня публикация полковника Армии США Дэвида Хэкуорта в журнале *Soldier of Fortune*, в которой он живописал как «Апачи» будут жечь один за другим северокорейские танки. Душещипательно! Правда, в этой картине явно не хватало достоверности. В южнокорейской армии ни одного ударного вертолета АН-64 «Апач» не было, а американцы имели в Корее три эскадрильи этих вертолетов, по 18 машин в каждой, то есть в сумме 54 вертолета. Две эскадрильи были переброшены из Кореи в Ирак и Афганистан, и в 2012 году командующий американским контингентом генерал Джеймс Турман требовал вернуть их обратно, но вроде бы не получил. 18 ударных вертолетов маловато, чтобы сжечь 3500 северокорейских танков, из которых большая часть могла быть брошена в наступление, не говоря уже о том, что у северокорейской армии хорошая и многочисленная ствольная зенитная артиллерия, весьма опасный противник для вертолетов. В реальном сражении вряд ли «Апачи» окажут существенное влияние на наступление такой танковой орды, тактически грамотного и прикрытого зенитной артиллерией.

В общем, хотя общий анализ возможностей противостоящих армий, с учетом наиболее вероятной тактики и особенностей ТВД, показал, что КНДР имеет определенное военное преимущество и имеет шансы одержать победу, тем не менее, нашлось немало людей, которые запальчиво меня убеждали в обратном, что будто бы северокорейцы будут легко и полностью разбиты «армией добра», потому что новейшие танки, самолеты, высокоточное оружие и огромный военный бюджет...

Подобная пристрастность процветает и в теме возможной войны между Россией и НАТО, кабы еще не в более махровом цвете. А пристрастность ведет к тому, что любые выкладки неизбежно становятся односторонними, однобокими, утрачивают свой прогностический потенциал, да и вообще становятся мало интересными. На таком одностороннем и предвзятом подходе, на вполне сознательном отказе от анализа всех, ну или хотя бы основных и решающих факторов, хорошего и полезного прогноза возможной войны не построить. Нужен другой подход, который я и постараюсь применить в полной мере во всем последующем изложении вопроса.

Вообще, не много ли автор на себя берет? Такой вопрос не может не вставать. Ведь аналитические разработки на тему возможных войн обычно проводится штабами, мощными аналитическими структурами, в которых полно самых компетентных аналитиков, в числе и с большими звездами на погонах, всю жизнь прослужившими в армии. Автор же вроде бы не имеет ни военного образования, ни опыта службы, но пытается решить сложный вопрос в одиночку. Да, это сложная задача. Однако же, это сильный вызов интересной проблемы, позволяющий испытать возможности своего ума. Это, так сказать, личные причины того, почему я берусь за эту тему.

Некоторый опыт у меня тоже есть, связанный с анализом начала и хода Второй мировой войны, в особенности военно-хозяйственной стороны вооруженного конфликта, обычно в существующих прогнозах не учитываемой. Результаты этого анализа изложены в моих предыдущих книгах. Этот опыт составляет главный фундамент моего анализа избранной темы. Впро-

чем, я понимаю, что возможно появится множество несогласных с моей позицией и выводами, потому я приглашаю всех желающих подискутировать, не обещая, впрочем, брать в плен.

Разбор заранее заданной ситуации

Рассуждая о возможной войне, нельзя обойти вниманием политическую и моральную сторону дела. Вообще-то, призывать к войне – аморально. Худой мир лучше доброй ссоры. Справедливость этой пословицы много раз подтверждалась на практике. Но все же, даже если мыслить в категориях политического реализма, тем не менее война – это последний способ разрешения конфликтов и противоречий, не поддающихся решению дипломатическими или политическими мерами. Когда слова не действуют, то берутся за оружие.

Метод этот последний вот еще в каком смысле, он наиболее рискованный по сравнению со всеми другими методами разрешения политических споров. Это так хотя бы потому, что любая война несет в себе довольно сильный элемент непредсказуемости. Какие бы планы и прогнозы не составлялись, даже если они полностью объективны, все равно нельзя учесть всех случайных обстоятельств, возникающих по ходу боевых действий и оказывающих влияние на ее итоги. Это справедливо даже для локальных конфликтов, и тем более – для большой войны между военными блоками. Как оно повернется, точно сказать трудно. Этот фактор существует и в прогнозе вероятной войны между Россией и НАТО, и этот фактор китайский. Трудно ведь сказать, на какую чашку весов бросит свою военную и экономическую мощь Китай. Даже если китайское руководство не пойдет на это и сохранит нейтралитет, не участвуя в войне, то страна, добившаяся военной победы, особенно в долгой и изнурительной войне, может потом впасть в зависимость от Китая. К тому же, китайский фактор заставляет выходить далеко за рамки анализа возможного столкновения России и НАТО, по сути дела, это означает анализ вероятности мировой войны.

Любая война испытывает общество и политическую власть на прочность, требует колоссальных расходов и напряжения экономики, оказывает сильное воздействие на общество. Общество после войны не похоже на общество довоенное. Всегда существует вероятность «пирровой победы», то есть достижения военной победы столь высокой ценой, что она обесмысливает достигнутый результат.

Так что, если есть возможность не начинать войну, то лучше ее не начинать. В этом смысле прогноз вероятной войны может быть средством обеспечения мира, особенно если он показывает, что эта самая вероятная война не может обеспечить достижения намеченных политических целей либо для одной из сторон, либо для обеих сторон. Таким образом, есть смысл в том, чтобы использовать этот шанс для предотвращения большой войны. Возможно, что политическое руководство военных блоков прислушается к аргументации и найдет невоенные способы разрешения своих противоречий.

То же самое касается и определения войны как «оборонительной» или «захватнической». С точки зрения чистой военной стратегии это довольно условные понятия, обозначающие лишь цели войны и то, какой стороне удалось реализовать оперативно-тактические преимущества первого удара. С политической и с международно-правовой точки зрения разница между войной оборонительной и войной агрессивной, захватнической – огромная. Если первая одобряется, и в документах ООН даже содержится призыв к тому, чтобы помочь защищающейся стороне, то вторая – однозначно осуждается, подготовка и начало такой войны считается преступлением. Хотя нерушимость этого принципа в последние годы подверглась определенной эрозии, тем не менее, такой подход все еще существует как международно-правовая норма.

Потому, поскольку будут рассматриваться разные варианты вероятного развития событий, нужно сразу сказать, что варианты возможного вооруженного конфликта рассматриваются преимущественно с точки зрения военной стратегии. Политические моменты привлекаются тогда, когда они могут существенно оказать влияние на ход боевых действий и всей войны в целом.

Вообще, заранее сказать, какая сторона будет наступающей, а какая обороняющейся в начале войны, довольно трудно. Предвоенный период всегда отличается сложным характером, напряженностью, динамичным обострением обстановки. На выбор: нападать или обороняться, влияет множество факторов, которые могут сложиться самым прихотливым образом. Да и не всегда бывает ситуация полной ясности, кто первым выстрелил, вроде того, что Германия ранним утром 22 июня 1941 года напала на СССР. К примеру, по поводу начала Корейской войны 1950–1953 годов и кто тогда стрелял первым, до сих пор идут споры и существуют диаметрально противоположные точки зрения. Потом, уже в ходе войны и после нее, свершившийся факт нападения одной из сторон активно используется для нужд политики и блокостроительства.

По этой причине придется тему того, чья война справедливая и оборонительная, а чья – захватническая и агрессивная, вывести за пределы рассматриваемого вопроса. Мы рассматриваем заданную выбранной темой ситуацию, когда обе стороны в вероятной войне уже отбросили моральные и международно-правовые соображения в сторону, изготовились и начали вооруженный конфликт. В противном случае мы рискуем утонуть в словопрениях, мало что добавляющих к анализу.

Конечно же, я понимаю, что есть сильный соблазн заранее расставить все точки над «ё», заранее заклеить и пригвоздить к столбу позора НАТО, тем более если учитывать, что книга пишется в России. Возможно, что часть читателей ждет именно этого. Но я отказался от такого подхода, потому что это одна из разновидностей предвзятости, о которой немного было сказано выше. Это не может не повлиять негативным образом на анализ и его результаты. И вообще, не стоит предаваться упрощениям, поскольку столь масштабное событие, как вероятная война между Россией и НАТО, если и будет, то будет куда более сложным и неоднозначным процессом, чем можно себе представить на первый взгляд.

О войне прошлого и войне будущего

Часто говорят: «Генералы готовятся к прошедшей войне». Причем эта избитая фраза обычно произносится с таким оттенком высокомерной снисходительности и с претензией на знание военных новаций и способность представить себе войну будущего.

Между тем, произносящий эту фразу расписывается в непонимании азов оперативно-тактического искусства, в том, что он не поднялся выше тех любителей, которые запальчиво спорят о толщине брони или калибре пушек на многочисленных форумах в Интернете. Военные не зря изучают прошедшие войны и уделяют на это достаточно много сил и времени. Это позволяет понять наиболее вероятную тактику, к которой может прибегнуть противник в вероятной войне. От этого уже можно сделать шаг к предсказанию (со всеми полагающимися в этом деле допущениями и погрешностями) образа его оперативно-тактических действий и оценить возможность реализации некоторого намеченного вероятным противником стратегического замысла, в том числе и в контексте действий своих сил.

Дело в том, что тактика применения основных видов вооружений сухопутных войск, авиации и флота в основном сложилась во Второй мировой войне или сразу после нее. Например, тактика действий танковых соединений, танковых прорывов практически не поменялась с тех славных пор. Танковый командир времен Великой Отечественной войны, скажем, командир 5-й танковой армии, Маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров без особого труда повел бы современную танковую армию в бой. С оперативно-тактической точки зрения разница в характеристиках между Т-34 и Т-90 не столь велика, как может показаться на первый взгляд.

То же самое можно сказать обо всех остальных разделах оперативно-тактического искусства. Тактика боевых действий реактивной истребительной авиации в основном сложилась в Корейскую и Вьетнамскую войны. Тактика аэромобильных сил (в США) и десантно-штурмовых групп (в СССР и в России) сложилась во Вьетнамскую и Афганскую войны. Это, пожалуй, самые свежие по времени возникновения разделы тактики. Остальное: действия моторизованной и морской пехоты, артиллерии, штурмовой авиации, флотов – все это до сих пор основывается на опыте Второй мировой войны, с некоторыми поправками на изменившиеся характеристики боевой техники и особенности новых театров военных действий.

Потому это не генералы такие тупые, что всегда «готовятся к прошедшей войне». Недалекие люди – это те, кто с пафосом произносит эту фразу, имеют крайне поверхностные познания в военном деле. Для рассмотрения темы вероятного столкновения России и НАТО изучение прошедших войн имеет особенное значение и исключительную важность. Это единственный способ провести сколько-нибудь стоящий анализ, не имея по совершенно очевидным причинам доступа к секретной информации.

Нам, конечно, никто не скажет и не покажет того, что характеризует боевые возможности противостоящих войск: численность и боевой состав, степень боеготовности, дислокацию, районы сосредоточения, направления вероятных ударов и тому подобные сведения, которые кладутся в основу любого плана войны. Это все строго секретная информация. Кое-что, конечно, сообщается общественности, но без подробностей, с умолчаниями и без гарантий достоверности представленной информации. Мы будем использовать и эти сведения, за неимением лучшего варианта, но нам придется анализировать возможный ход боевых действий так, как если бы мы сами планировали войну. И в этом деле опыт прошедших войн, особенно Второй мировой войны, для нас является путеводной нитью в этом лабиринте из секретов и военной тайны. Потому мы будем предаваться, условно говоря, «подготовке к прошедшей войне», пожалуй, даже побольше, чем это обычно делают генералы.

Раз так, то надо сразу уточнить, что состав вооружения армий принимается в целом таким, каким он сложился к настоящему моменту и в обозримом будущем не особо сильно изменится. Потому вносить в прогноз всякого рода «оружие на новых физических принципах», «климатическое оружие», гиперзвуковые ракеты, лазерные фрегаты и тому подобное для нас не имеет особого смысла. То, что еще не вышло из лаборатории и не принято военными на вооружение в достойном упоминания количестве, в нашей вероятной войне не участвует.

Поскольку исторический опыт говорит за то, что в ходе большой войны технический прогресс и обновление вооружений резко ускоряется, то в завершении будет представлен обзор тех технических новшеств, которые могут существенно изменить образ и облик войны. Но это уже совсем другой прогноз, еще более гипотетичный, вероятность которого оценить очень трудно.

Итак, наша тема – это вероятная война между Россией и НАТО, ее возможный ход и результаты. Все, что будет сказано ниже, нельзя воспринимать ни как призывы к войне, ни как попытку пророчествовать о некоем неизбежном будущем. Все, сказанное ниже, это логический эксперимент, ни на что большее не претендующий. На это также указывает отсутствие ссылочного аппарата. Все приведенные ниже цифры и данные взяты из открытых источников.

Автор

Апрель 2016 – Сентябрь 2017 года

Часть первая

Если враг нападет...

Глава первая

Операция «Возрождение свободы»

План войны командованием НАТО был составлен с опорой на успешный опыт кампании в Ираке в 2003 году. Он предусматривал на первом этапе подавление систем ПВО, авиации, а также узлов связи массированным ударом высокоточным оружием и воздушным наступлением. Эта задача была весьма сложной, поскольку противник обладал солидными ВВС и весьма хорошо развитой системой ПВО, использующей ЗРК С-300 и более новые системы. В зоне главного удара насчитывалось 27 дивизионов С-300, всего до 324 пусковых установок, и 2 дивизиона еще более современных С-400, до 24 пусковых установок. Авиация насчитывала 90 истребителей-бомбардировщиков, 200 истребителей и 80 ударных вертолетов.

Такой воздушной мощи противника в Ираке не было, но в целом задача выглядела выполнимой, хотя и требовала напряжения сил. На расчистку неба отводилось трое суток. Основную работу на направлении главного удара должна была проделать группировка наземного базирования – около 600 самолетов, разделенных на две части. Одна из них, насчитывающая около 400 самолетов, должна была действовать с территории Прибалтики, а другая, около 200 самолетов, с территории Украины.

Авианосцы сосредоточивались в Баренцевом море и должны были разгромить Северный флот, на что выделялось две авианосные ударные группировки – 160 самолетов, а вместе с самолетами, базирующимися на других надводных кораблях, воздушная группировка достигала 200 машин. В Балтийское море, на котором морские силы противника были относительно слабы, вводилась еще одна авианосная ударная группа, имевшая около 100 самолетов, которая должна была поддержать воздушную группировку наземного базирования. Это было необходимо потому, что по предварительным подсчетам, ПВО и ВВС противника могли уничтожить до 30 % состава воздушной группировки наземного базирования.

По истечении трех суток интенсивных воздушных ударов, должна была начаться наземная фаза операции, которая должна была решить исход войны. Начало наземной операции было запланировано на 22 часов 31 июля с постановкой задачи в течение последующих 12–18 часов обеспечить прорыв на глубину 80–100 км. Как и в Иракской кампании, ставка делалась на стремительный рывок механизированных соединений вглубь территории двумя сходящимися ударами. Главный удар наносился из Латвии, вдоль автомагистрали М-9 Рига – Москва, на котором должны были действовать следующие силы. 5-й армейский корпус США в составе 1-й бронетанковой дивизии и 1-й бронекавалерийской дивизии, в которых в сумме было пять бронетанковых бригад, одна бригада БМП и две авиационных бригады, оснащенной вертолетами. Всего около 30 тысяч человек, 435 танков «Абрамс», 450 БМП «Брэдли» и другая боевая техника, а также 96 ударных вертолетов АН-64 «Апач». Ему содействовали британская бригада: 2700 человек и 56 танков «Челленджер-2», а также немецко-датский армейский корпус: 26 тысяч человек, 250 танков «Леопард 2» и другая боевая техника.

Эта группировка войск, условно «западная» общей численностью около 60 тысяч человек и 740 танков, должна совершить рывок на восток, вдоль автомагистрали М-9 на Москву, разгромить своего главного противника 1-ю танковую армию, обеспечить захват крупных аэродромов к западу и северу от Москвы, а также, при благоприятных условиях, осуществить штурм и захват города. Если же ситуация будет не слишком благоприятной и будет вероятность

уличных боев, то эта группировка должна совершить охват столицы и соединиться с группировкой, действующей с южного направления.

С территории Украины должен действовать 7-й армейский корпус США, в составе 1-й моторизованной дивизии, в которой две бронетанковые бригады и одна авиационная бригада: около 12 тысяч человек, 174 танка «Абрамс», 48 ударных вертолетов «Апач», а также силы усиления из состава 18-го воздушно-десантного корпуса. Вместе с ним действует испанский армейский корпус численностью 20 тысяч человек, 200 танков «Леопард 2» и другая техника. В задачу этой группировки, условно «южной», численностью 32 тысячи человек и 374 танков входит выход на автомагистраль М-2, разгромить части 20-й армии, а также содействовать «западной» группировке в захвате Москвы.

Остальные соединения НАТО распределяются следующим образом. На севере «Еврокорпус» НАТО с частями Корпуса морской пехоты США должен блокировать 6-ю армию в районе Санкт-Петербурга, захватить порт Усть-Луга и использовать его в качестве порта снабжения, а также, при благоприятных условиях, перерезать автомагистраль М-10 Москва – Санкт-Петербург.

Армейский корпус НАТО, польский и итальянский армейские корпуса должны с трех сторон навалиться на армию Беларуси из Литвы, Польши и Украины, и разгромить ее, имея главной целью захват Минска и открытие для движения автомагистрали М-1 Москва-Минск-Варшава. При благоприятных условиях, эти силы должны после выполнения основной задачи должны содействовать «западной» группировке в захвате Москвы.

На юге Украины турецкий армейский корпус, вместе с частями усиления и 173-й воздушно-десантной бригадой США, вместе с силами флота, должен захватить Крым, а затем содействовать украинской армии в захвате ДНР и ЛНР на востоке Украины, а также блокировать части 49-й армии на Тамани.

На выполнение этой наземной фазы войны отводится 20–25 суток, в ходе которых должны быть разгромлены основные силы российской и белорусской армий, захвачена Москва, в которой должно быть утверждено новое, демократическое правительство России, которое заблаговременно будет сформировано в Риге в качестве признанного мировым сообществом. Оно объявит о прекращении войны, а в дальнейшем силы НАТО должны будут обеспечить разоружение оставшихся частей и соединений российской армии, взятие стратегических ядерных вооружений под контроль НАТО, а также будут содействовать поддержанию порядка, демократических институтов и обучать новую российскую армию.

В рамках этого плана войны предполагалось, что противник будет оказывать сопротивление только в течение первых 10–15 суток наземной фазы операции, не имея централизованного управления, но после успешного продвижения к Москве и разгрома наиболее боеспособных соединений, сопротивление станет очаговым и неэффективным, и уже не будет особо мешать выполнению основных задач военной операции, получившей кодовое название «Возрождение свободы».

Хотя, несмотря на превосходство в авиации и высокоточном оружии, тем не менее командование НАТО полагало, что бои могут принимать ожесточенный характер, и потери убитыми и ранеными могут достигать 10–15 % численности выделенных группировок войск. Потому было решено перед началом военной операции начать формирование дополнительных корпусов, которые должны будут сменить соединения, участвовавшие в боевых действиях.

Вопрос о применении ядерного оружия вызвал дискуссию (часть высших офицеров требовала нанесения тактических ядерных ударов по авиабазам противника в самом начале войны), в ходе которой была выработана позиция, что нанесение даже тактических ядерных ударов может проводиться только в случае крайней необходимости, например, в случае упорного сопротивления каких-либо частей противника, ради минимизации потерь войск НАТО в наземной фазе операции. Подавление ядерных сил противника предполагалось осуществить на

стадии воздушного наступления, путем поражения высокоточным оружием командных пунктов и узлов связи, управляющих стратегическими ядерными силами, а также развертыванием всех имеющихся средств ПРО и ПВО.

Особое внимание уделялось психологическим операциям, поскольку даже при столь скоротечной военной кампании у противника все равно оставалась возможность переброски дополнительных сил с Урала, Сибири и Дальнего Востока на европейский ТВД, а также возможность начать мобилизацию резервистов и добровольцев. Психологические операции ставили целью дезорганизацию военного командования для недопущения переброски войск, а также срыв мобилизации.

Определенное беспокойство у командования НАТО вызывала возможность мобилизации добровольцев, которые при содействии военного командования и местных властей могли довольно быстро создать значительные по численности формирования. Внимательно изучался опыт войны на востоке Украины, закономерности возникновения этих добровольческих формирований и их идеологические представления. Было принято решение в психологических операциях против добровольческих отрядов использовать тезис о том, что НАТО стремится к созданию демократического русского государства, основанного на европейских и демократических ценностях, и убеждать их отказываться от участия в вооруженном сопротивлении войскам НАТО.

Также в психологических операциях внимание уделялось союзникам России по ОДКБ. Дипломатическими мерами и информационным воздействием предполагалось убедить руководство этих государств отказаться от участия в войне на стороне России.

Итак, план операции «Возрождение свободы», хотя и требовал значительно большего напряжения сил и обещал более высокие потери авиации и наземных сил, чем в Ираке, тем не менее, выглядел вполне реализуемым в отведенные для него сроки.

Глава вторая

Почему именно такой план?

Все, сказанное в первой главе, это, конечно, не план, добытый разведкой в недрах штабов НАТО, а, так скажем, его логическое конструирование, исходя из опыта войны в Ираке, наступательных возможностей войск НАТО и особенностей ТВД в Европейской части России. Он не претендует на точное предсказание того, как будет действовать НАТО в возможной войне против России, но на мой взгляд именно такой план представляется наиболее вероятным. Теперь надо пояснить, почему был избран именно такой вариант вероятного плана военной операции НАТО против России.

Первое. Сочетание массированных ударов высокоточным оружием и массированное воздушное наступление – это визитная карточка НАТО во всех войнах, которые этот военный блок провел за последние 25 лет, начиная с операции «Буря в пустыне», да и не только их. Аналогичным образом войска США действовали в Корее и во Вьетнаме. Первым делом командование НАТО старалось выбить авиацию и системы ПВО противника, чтобы получить господство в воздухе, и чтобы наземная операция имела полную авиационную поддержку. Это аксиома проведения масштабных военных операций еще со времен Второй мировой войны, которая самым наглядным образом показала, что массированная воздушная поддержка механизированных, в первую очередь, танковых войск, является одним из главных условий успеха на поле боя.

Для войны с Россией начать войну с воздушного наступления тем более необходимо, что российская армия обладает солидными воздушными силами и ПВО, с которой армии НАТО еще не встречались в сражении. Если не выбить их в самом начале войны, то весьма высока вероятность, что наземные силы НАТО получат очень ощутимый удар с воздуха еще до столкновения с основными наземными силами России. Это чревато, как минимум, сильным замедлением продвижения танковых бригад, а вообще же может привести к их разгрому, что приведет к перелому в ходе войны в пользу России.

Ради выполнения этой важнейшей задачи командование НАТО вполне может пойти на весьма высокие потери в авиации, чтобы добиться победы в воздухе и расчистить небо над ТВД. Если эта задача подавления российских ВВС и ПВО ценой потери 30 % или даже 50 % парка самолетов, будет выполнена, то остальную работу по воздушной поддержке смогут выполнить авиационные бригады, включенные в состав дивизий и армейских корпусов, в основном боевыми вертолетами.

Второе. Ставка на механизированные соединения также диктуется опытом войны в Ираке, да и общими соображениями по части военной стратегии, что противника, обладающего крупными наземными войсками, в том числе собственными танковыми бригадами, оснащенными достаточно современными танками Т-72Б и Т-90, невозможно разгромить одними ударами с воздуха. Только глубокий прорыв механизированных соединений может потрясти противника и сломить его сопротивление. Для этого танковые бригады НАТО должны поддерживать максимально высокий темп наступления, для чего они должны избегать ввязываться в позиционные или уличные бои, а обходить города на пути продвижения, таким же образом, как это делалось в Ираке.

Третье. В силу того значения, какое несомненно будет иметь быстрое продвижение механизированных соединений НАТО, боевые действия неизбежно будут привязаны к дорогам, главным образом к основным автомобильным магистралям, сразу по нескольким причинам. Во-первых, сами по себе магистральные автодороги на выбранных направлениях главных ударов имеют достаточную пропускную способность, чтобы обеспечить быстрое продвижение крупных механизированных соединений. Во-вторых, они обеспечивают благоприятные усло-

вия для широкого использования колесной боевой техники, которой много в армии США и других армиях НАТО. Потому вполне ожидаемо, что колесные боевые машины, в том числе с тяжелым вооружением, будут идти на 10–15 км впереди танков, осуществляя разведку и сбивая заслоны, если они будут встречаться. Если на пути окажется хорошо укрепленная оборонительная позиция, то она атакуется ударными вертолетами и беспилотниками, а потом огнем танков и САУ. Но в общем, командование НАТО, вероятно, ожидает, что на главных направлениях подобных серьезных препятствий им не встретится. В-третьих, магистральные автодороги имеют капитальные мосты достаточной грузоподъемности, чтобы через них могли проследовать танки, которые у НАТО более тяжелые, чем российские («Абрамс» имеет вес 63 тонны против 46,5 тонн у Т-90А). Потому захват мостов будет одной из приоритетных задач. В-четвертых, по мере приближения к Москве, который представляет собой крупный автодорожный узел с многочисленными магистральными шоссе и кольцевыми автодорогами, условия для применения механизированных соединений только улучшаются, появляется возможность маневра, обхода узлов сопротивления.

Надо указать, что подвижность механизированных соединений НАТО весьма высока. «Абрамс» имеет запас хода по шоссе 425 км и может двигаться со скоростью 67 км/час. То есть расстояние от Резекне до Москвы, 630 км, он может преодолеть без остановок всего за 10 часов с одной дозаправкой. Это, конечно, идеальные условия. Но даже с учетом остановок, задержек и боевых действий, прохождение этого маршрута за 3–4 суток представляется вполне реалистичным, если сопротивление будет слабым или будет отсутствовать.

Четвертое. Почему именно Москва? План войны с главной целью захвата Москвы может вызвать некоторые возражения и вопросы. Однако, если мы посмотрим на военные операции, которые проводило НАТО, то мы увидим, что в их военном планировании первое место занимало решение политических задач. НАТО почти всегда вело войну за свержение политической власти противника, и потому захват столицы был в этом смысле приоритетной целью. Это хорошо видно во время операции в Ираке в 2003 году, когда наземные силы НАТО рвались к Багдаду, который располагался в 400–450 км от исходного района. Взятие столицы по мнению командования НАТО ведет к падению правительства и к победе в войне. В этом военная стратегия НАТО коренным образом отличается от военной стратегии России, всегда делавшей и делающей ставку на разгром вооруженных сил противника.

Остальные задачи, как хорошо видно по опыту войны в Ираке, командованием НАТО рассматриваются как второстепенные и служащие достижению главной цели. Потому, скорее всего, командование НАТО будет исходить из того, что остальные крупные соединения российских войск, дислоцированные вдалеке от Москвы, нужно будет блокировать, оттеснить в сторону, не допустив их подхода на помощь столичному гарнизону. Мол, если правительство падет, то и армия тут же разбежится и бросит оружие.

Наконец, пятое. Почему начало наземной операции предполагается именно в 22 часов 31 июля, а не традиционное нападение на рассвете в любую другую дату? Да, долгое время для реализации преимущества первого удара наступающие войска выбирали утренние часы. Это имело свое обоснование: утренние часы – это время, когда человека в наибольшей степени клонит в сон, и потому противника, не ожидающего нападения можно захватить спящим или полусонным, когда солдаты и офицеры не в состоянии действовать с полной отдачей. Далее, наступление в утренние часы позволяло использовать всю продолжительность светового дня и развить успех первой атаки. Так было и во время войны в Ираке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.